

Д.А. Аманжолова

*Институт российской истории РАН, Москва, Россия
(E-mail: amanzholova19@mail.ru)*

Революция 1917 года и проблемы этнополитического развития народов Центрально-Азиатского региона России

В Степном крае и Средней Азии общероссийская тенденция начала XX в. к нациецентризму проявилась достаточно специфически. В статье анализируются особенности проявления общероссийских трендов революционного развития в социально-политическом и этнокультурном пространстве Центральной Азии. Автономизм оказался наивысшим и самым радикальным пунктом в эволюции политических приоритетов среднеазиатских и казахских активистов революции. Основное внимание уделяется динамике, характеру и формам этнополитической консолидации народов региона, роли национальной интеллигенции в событиях 1917 г. Рассматриваются эволюция политических приоритетов национальной элиты, существо региональных проектов государственного переустройства и основные характеристики организационных моделей социальной модернизации, возникавших и (или) апробированных в 1917 г.

Ключевые слова: революция, Центральная Азия, народ, этнополитическое развитие, национальная элита, направление политике.

В ходе революции, несмотря на общность вероисповедания большинства населения, достаточно явно обнажились существенные отличия в характере и масштабах влияния политических катаклизмов в столицах и европейской части России на данные регионы, в динамике политических событий, а также в реакции на них разных этносоциальных групп и поведении национальных элит по мере углубления кризиса в стране. Стоит напомнить некоторые основные характеристики Центрально-азиатских окраин Российской империи к 1917 г. В административно-территориальном отношении преобладал такой тип управления, как генерал-губернаторство (Оренбургское, Степное и Туркестанское). В состав Астраханской губернии входила казахская Букеевская орда, на территории современной Туркмении после присоединения была образована Закаспийская область. Под протекторатом России находились Бухарский эмират и Хивинское ханство, о численности населения, ресурсах и доходности которых центральная власть не имела достаточных и достоверных сведений [1; 122]. Разница в политическом строе и социально-экономическом уровне между Туркестаном, с одной стороны, Хивой и Бухарой — с другой была весьма существенна.

Наибольшие результаты в политической и хозяйственной инкорпорации в российскую систему были достигнуты в Казахстане. Позднее присоединенный Среднеазиатский регион отличался большими различиями не только с точки зрения прочности аналогичных связей, но и в управленческом плане, а также этническим составом населения. В Казахстане к 1917 г. очевидным был прирост русскоязычного населения, особенно крестьянского (в 1917 г. казахи составляли 59,8 % населения края; вместе с русскими и украинцами в начале века — от 87 до 95 %; среди других наиболее многочисленными были татары, уйгуры и узбеки [2; 567, 570]). Интенсификация межкультурных (межэтнических) контактов подстегивала оформление этнического дискурса и осмысление образованной частью общества сути «казахскости». Не случайно самоопределение «казах» появляется в 1913 г. в названии общенациональной газеты, а выработка «национального» проекта шла в направлении от интереса к общероссийской и даже международной культурно-языковой и религиозной солидарности к интересу к локальной этноцентристской. В Средней Азии так называемый «европейский» компонент был представлен значительно меньше (в Туркестане 4,5 % переселенцев [3; 16]), а мусульманское большинство отличалось значительной пестротой. При этом казахи были самым крупным кочевым народом России, хотя к 1917 г. значительная часть его вела уже полуоседлый образ жизни и кочевала на небольшие расстояния, тогда как у других коренных народов было широко развито земледелие.

Главную роль в процессе этнополитической консолидации играла образованная часть коренного населения, однако его численность была крайне мала. По данным переписи 1897 г., образовательный уровень казахов составлял 2,7 %, доля умеющих читать среди туркмен составляла 2,1 %, киргизов — 0,8 %, в целом у мусульман региона — менее 5 % [4, 5; 231]. В Туркестане в 1914 г. работали

545 школ, в основном русских, с 37,6 тыс. учащимися, и националы в них составляли от 0,5 до 1,5 %. Представители коренного населения обучались в 96 русско-туземных школах. В Бухарском эмирате (около 2,5 млн узбеков, таджиков, туркмен и казахов) и Хивинском ханстве (600 тыс. узбеков, туркмен, каракалпаков и казахов) [3; 16, 25] уровень грамотности коренного населения был еще ниже. Среди народов всего региона служащие, представители свободных профессий, чиновники, военно-служащие и духовенство на 1897 г. вместе с членами семей составляли 2,7 % от их общей численности, лица с образованием выше начальной школы – 0,02 % [5; 298, 299, 6; 234].

В аппарате администрации, суда, полиции и в других общественных учреждениях Казахстана работали 4469 казахов, что составляет 0,54 % занятого населения, вместе с членами семьи (3594 чел.) — 0,2 % (8063 чел.) от общего количества казахов [4]. В Туркестане острый недостаток русских чиновников, особенно знающих местные языки, делал туземную администрацию почти неподконтрольной. Между тем у мусульманского населения, не владевшего русским языком, складывалось стойкое убеждение в ответственности именно русской власти за все, что делают туземные чиновники. Российская власть не ставила задачи формирования национальной идентичности подвластных народов, хотя создание Степного генерал-губернаторства, включавшего основную часть казахского населения, сыграло свою роль в его этнотерриториальной и затем политической самоорганизации. Взаимодействие политических изменений, социальных, культурных и иных факторов в определенной степени влияло на медленную кристаллизацию этнической самоидентификации народов региона, прежде всего благодаря возникновению у них образованного слоя.

Несмотря на небольшую численность, представители реформаторской элиты в Средней Азии в начале XX в. развернули достаточно активную и плодотворную культурно-просветительскую деятельность: в Бухаре таджики С.Айни, Ахмад Наим Нусраталлабек, Махмудходжи Бехбуди и узбек Ф.Ходжаев, среди джаидов — узбеки А. Мунзим, С. Сиддикии Аджзи, А. Авлони, таджики Абдурауф Фитрат, Мирзо Сироджа Хаким, Мухаммад Икром (Икромча), Саид Ахмад Васли, Садри Зиё. На развитие джаидского движения в Средней Азии большое влияние оказали мусульманская печать, прежде всего татарская, а также религиозные реформаторы Поволжья. Возглавляемые национальной буржуазией среднеазиатские джаиды включали в свои ряды представителей разных социальных групп — мударрисов, богословов, педагогов и судей, учащуюся молодежь, врачей, литераторов, путешественников, коммерсантов. При этом если туркестанские джаиды ориентировались на российский проект политической модернизации страны, то бухарские — предпочитали турецкую модель.

К 1917 г. туркестанские реформаторы подошли с попыткой создания некоей политической организации, в Бухарском эмирате они были вне закона и представляли единственную оппозиционную силу (около 4 тыс. чел.), направляя усилия на просвещение и воспитание, а в Хивинском ханстве джаиды, ориентировавшиеся на бухарских единомышленников, действовали вполне легально и главным образом в школьной сфере [7; 27-30]. Используя опыт 1905–1907, 1913–1914 гг., джаиды после падения самодержавия активно возрождали национальную периодику. В Туркестане на узбекском языке выходили газеты, выдвигавшие идеи независимости или автономии, а также пантюркизма, — «Наджот» («Спасение»), «Турк эли» («Страна тюрков»), «Улуг Туркистон» («Великий Туркестан»), «Турон» («Туран»), «Кенгаш» («Совет»), в Самарканде — «Хуррият» («Свобода»), в Коканде — «Тириксуз» («Живое слово»), журнал «Хуррият». В Бухаре с 1912 г. на таджикском языке выходила газета «Бухороишариф» с приложением «Турон» на узбекском языке. Малочисленные младохивинцы (П.Юсупов, Б.Салимов, Н.Шаликаров и др.) к 1917 г. не имели конкретной программы, влияния и опоры в массах, хотя уже 5 апреля практически совместно вынудили Асфандияр-хана подписать манифест о созыве маджлиса, дав импульс политическим реформам. Однако в борьбе со сторонниками хана осенью 1917 г. лидеры младохивинцев были арестованы и осуждены, а в декабре были вынуждены бежать в Ташкент [8; 50-54].

Общероссийские политические партии имели влияние прежде всего среди русского населения, и в городах — Ташкенте, Омске, Семипалатинске, Верном и др. Национальная демократия в общероссийских партиях была немногочисленна или практически не представлена, за исключением некоторых казахов. Именно они обрели к 1917 г. более солидный опыт политической деятельности. Так, в мусульманских организациях участвовали Ж.Досмухамедов, В.Таначев, А.Букейханов, в кадетских — М.Тынышпаев, Х.Досмухамедов, Ж.Сейдалин, А.Букейханов. Несколько казахских демократов во главе с Букейхановым накануне революции активно сотрудничали с представителями политического класса России через структуры Думы и Земгорсоюза. В I Думу были избраны 3 казаха (из 23 мусульман-депутатов), в Туркестане выборы не успели состояться. Во II Думу попали 6 казахов, 3 узбека и

1 туркмен. 5 депутатов, избранных от коренного населения Туркестана, примкнули к мусульманской фракции (близкой по своей политической ориентации к кадетам), 1 — к кадетам, при этом русский язык знал только казах М.Тынышпаев [9; 10]. После государственного переворота 3 июня 1907 г. народы Средней Азии и Казахстана уже не имели права участвовать в выборах.

В то же время сами идеи социализма были весьма популярны, в т.ч. среди националов, что быстро проявилось после падения самодержавия. Наряду с политически слабой группой так называемых казахских «тюркофилов», ориентировавшихся на мусульманское единство народов региона, в казахском политическом «поле» к 1917 г. появились и немногочисленные левые (А.Джангильдин, Т.Рыскулов, К.Тогусов, С.Сейфуллин, А.Кенжин). Наиболее активно они стали действовать после октября 1917 г. Социал-демократические группы в годы Первой мировой войны подпольно действовали в Омске и Петропавловске, эсеры были разрозненны и предпочитали легализоваться через кооперацию. Сторонниками либерализма, прежде всего кадетов, были организаторы газеты «Казах» во главе с Букейхановым, однако на деле их взгляды представляли собой набор разных идей и принципов либерализма, социализма и национализма.

Кристаллизация общественно-политических взглядов разночинной казахской интеллигенции проходила под воздействием разнообразных факторов. Прежде всего, это традиционная культура казахского общества и постепенное возникновение элементов буржуазного уклада, ускорение процесса этнической консолидации и роста народного самосознания на фоне ухудшения социально-экономического положения национальных масс в условиях кризиса архаичной хозяйственной системы, изъятия земель для переселенцев, тягот военного времени. Важнейшую роль в идейно-политическом становлении будущих руководителей Алаш сыграли учеба в вузах России, знакомство с европейской и российской культурой в самом широком смысле. Представители казахской интеллигенции в период формирования их мировоззрения стали свидетелями крупных событий общественной и государственной жизни империи, рождения политических партий и организаций в России. Стремление соединить традиционализм с началами западной демократии, достижениями общечеловеческой цивилизации в жизни казахского общества было, пожалуй, наиболее характерной их чертой. В итоге казахские демократы в сравнении со среднеазиатскими джадидами оказались наиболее светски образованными и интегрированными в общероссийское культурное и политическое пространство. Потребности духовно-религиозной модернизации и проблемы консолидации с другими мусульманскими политическими структурами России они подчиняли этнополитическим задачам. Расширение зоны контактов с имперской и русской культурой, как и интенсификация опыта межкультурного взаимодействия, подстегнули казахскую элиту к более четкому определению собственной идентичности и культурной самооценки этноса, призванного не только приобщаться к более развитой части российского социума, но и сохранять и укреплять собственную многомерную целостность.

В Средней Азии этноидентификация не была первостепенной в иерархии общественно-политических приоритетов, а понятие «нация», ставшее особенно быстро распространяться в информационном пространстве 1917 г., толковалось весьма своеобразно — с учетом реальных консолидирующих факторов духовных, административно-территориальных и хозяйственных практик.

Как считает С.Агзамходжаев, исламский фактор стал индикатором политического самосознания для среднеазиатских мусульман, в 1917 г. более четко осознавших духовную и культурную общность с мусульманами России и других стран. В то же время к февралю 1917 г. конкретной политической программы даже радикальная часть джадидов не имела, выступая за демократические права и конституцию, расширение прав коренного населения в органах власти вплоть до Думы и свободы печати. Быстро растущая политическая активность русского населения региона подталкивала джадидов к более активным действиям, в т.ч. в организационном плане (слияние в более крупные организации и региональные съезды). Джадиды занимали центристские позиции, правые поддерживали Временное правительство при сохранении традиционных устоев. Среди левых были сторонники ханской власти, противники колониальных властей и религиозные реформаторы. Весь 1917 г. прошел под знаком усиления идейной пестроты в рядах национальных политактивистов [11; 53, 56-58, 67, 68]. Лишь в связи с обострением ситуации в Ташкенте и российских столицах осенью 1917 г. на повестку дня встал вопрос об автономии.

Впрочем, и те и другие встретили падение монархии с большим воодушевлением, активно поддерживая Временное правительство. Архивы хранят многочисленные телеграммы из разных регионов в Думу, в т.ч. из Казахстана, от казахской общественности, как будто написанные под копирку: «Взошло солнце свободы!...». Кажется, никто не задумывался в этой эйфории — а что дальше? Те, кто

недавно писал прошения и петиции царю, ездили на празднование 300-летия дома Романовых, и даже те, кто выступал в оппозиции, критиковал власть, далеко не всегда требовали ее упразднения. Казахская интеллигенция, как и большинство образованных людей, отнеслась к краху самодержавия как к открывшейся возможности для демократизации и решения давно перезревших проблем. В общественных настроениях стали доминировать ожидания преодоления статусного неравенства в этносоциальной иерархии и признание культурного разнообразия нормальным, не подлежащим административной унификации.

В Ташкенте и других городах были созданы мусульманские советы во главе с Центральным муссоветом края. Они достаточно активно взаимодействовали с другими органами самоуправления, прежде всего советами, на протяжении всего 1917 г. Постепенно в национальном политическом сегменте произошло выделение правых, стремившихся максимально законсервировать имевшийся порядок управления, который Временное правительство менять не спешило, и левых, среди которых разногласия мнений распространялась от умеренных в «Шуро-Уламо» до радикалов во главе стихийной массы, позже выросшей в так называемое басмачество. Между ними располагались джадиды из «Шуро-Исламия», «Турон» и других организаций. Социалистические настроения выражал «Иттифак» — Союз трудящихся мусульман, связанный с «европейскими» меньшевистско-эсеровскими советами. Строгих барьеров между всеми этими организациями не было, политические настроения в них были изменчивыми, но при этом разделения по этническому признаку не происходило, а доминирующими были мотивы ликвидации царских порядков и администрации. Важную роль в политизации коренного населения сыграли трудности войны, растущий голод и последствия восстания 1916 г.

Между тем организационно-политическая инициатива была у «европейских» советов, которые уже в марте стали объединяться (рабочие и солдатские), а националы во время подготовки выборов в Ташкентский горисполком вступили в соперничество между собой, с трудом согласовав список кандидатур. Одновременно был создан мусульманский совет «Шуро-Исламия», имевший полиэтничный и идейно-политически разношерстный состав. Характерно, что муссовет ставил, в частности, задачи распространять современные политические и прочие идеи в массах, собирать информацию о зарубежных системах власти и готовиться к выборам в Учредительное собрание [11; 72-77].

В целом мусульманские структуры в своем организационном развитии фактически шли вслед за образцом, который демонстрировали им местные «европейцы». П.Юсупов свидетельствовал, что хивинские демократы «не знали, что такое воля», и именно от русских солдат получили поддержку и прямой совет, как участвовать в революции [8; 50, 51]. Во 2-й половине апреля сразу за I Краевым съездом советов и съездом делегатов исполкомов советов (на последнем была поддержана идея федерации в России) был созван I Краевой съезд мусульман, создавший Краймуссовет. На этом съезде делегаты разделились на федералистов и их противников. Среди первых обнаружили сторонники лишь культурной автономии, хотя в итоге была поддержана идея автономии края в составе демократической федеративной России. Эта позиция была подкреплена решением I Всероссийского мусульманского съезда в мае. При этом, как вспоминал глава Краевого муссовета М.Чокаев, «на съезде ни один голос не выступил за отделение от России». М.Бехбуди, разъясняя смысл такой автономии, в июне писал о необходимости в ней парламентаризма, сохранения культуры коренного населения и учета интересов всех туркестанцев, независимо от религиозной принадлежности [11; 117-122]. Этнический критерий идентификации по-прежнему не рассматривался.

Консолидация на религиозной основе в определенной мере служила способом сгладить внутренние противоречия в рядах малочисленного национального политического слоя. А.Фитрат, к примеру, «ради Бога, религии, Родины и нации» призывал объединиться джадидов, кадимов, мулл и богатых людей, закрыв глаза на имеющиеся амбиции и «классовые деления» [11; 124, 125]. Таким образом, понятие «нация» никак не связывалось с этничностью. Даже раскол в июне и выделение «Шуро-Уламо» были вызваны различиями в трактовке пределов и самой необходимости исламской модернизации. Нацстроительство, как оно сегодня понимается, совсем не стояло в повестке дня ни центра (царского и Временного правительств), ни туркестанских националов-демократов. То же касается находившихся в меньшинстве членов «Иттифак» (июнь 1917 г.), консолидовавших вокруг себя прибывавших с тыловых работ мусульман и другие рабочие организации, и Краймуссовета. Активную роль внутри национальной демократии стали играть получившие светское образование интеллигенты, знавшие русский язык. В августе на выборах в Ташкентскую городскую думу, как и в других городах, мусульмане поддержали «своих» выдвиженцев, причем в столице края больше всего мест

получил «Шуро-Уламо» (гл.о. муллы). Джадиды-прогрессисты не смогли преодолеть авторитет более консервативных улемов, что обусловило расхождения во внутримусульманском движении. Туркестанские федералисты объединились на съезде в Фергане (Скобелев, июль 1917 г.), приняв решение о создании мусульманской политической партии. Соперничество Турккомитета Временного правительства с КРАСом в борьбе за власть вынудило Краймусовет попытаться найти компромиссный вариант формирования краевой власти. Но 12 сентября большевики и левые эсеры заявили о захвате власти в Ташкенте, в ответ 24 сентября в городе и крае была введена военная диктатура.

В отличие от Туркестана, в Казахстане особенно быстро стали формироваться этнополитические структуры, казахская элита участвовала также в создании местных коалиционных органов власти. Более успешной консолидации национальных сил способствовало почти монопольное положение газеты «Казах» в информационном поле, причем этноцентризм стал отличительной чертой организационного строительства. Временное правительство сочло необходимым привлечь авторитетных казахских деятелей в Туркестанский комитет; в качестве комиссаров правительства М.Тынышпаев и А.Букейханов работали в Семиречье и Тургайской области соответственно, т.е. там, где восстание 1916 г. имело особенно тяжелые последствия. Активизировалось взаимодействие с общероссийским мусульманским движением, а также региональными проектами – я имею в виду сибирское областничество. За короткий период, от февраля до конца 1917 г., казахская интеллигенция прошла колоссальный по значению этап политического развития и самоорганизации (общеказахские съезды, выработка программы, формирование партии, провозглашение автономии). В учреждениях Временного правительства от Туркестанского комитета до местных работали практически все лидеры общественного мнения (не менее 19 чел.), частью имевшие определенный опыт работы в общероссийских партиях и парламенте. Они же вскоре приступили к созданию национальной партии. 1917-й г. стал временем быстрого создания казахских комитетов, которые вместе с советами и всевозможными гражданскими структурами включались в организацию местного самоуправления, были активными участниками создания земств, центрами этнополитической активности и звеньями нарождавшейся партийной сети движения Алаш. После провозглашения автономии в конце 1917 г. на время гражданской войны они переросли в местные органы автономной власти.

По мере развития революции среди среднеазиатских джадидов и казахских демократов наиболее популярной становится идея автономии для своих регионов, которая должна была реализоваться на основе решений Учредительного собрания и образования Российской демократической федерации. Лидеры «Шуро-Исломия», среди которых были известные туркестанские общественные деятели и прогрессисты, пытались сблизить позиции джадидов и местных традиционалистов-кадимистов, чьи интересы отстаивала организация «Шуро-Уламо» («Совет-Уламо» или «Совет духовенства») [6; 281, 282]. Сохраняя мусульманскую солидарность и отдавая приоритет духовно-религиозным проблемам, среднеазиатская политическая элита становилась более сложной по социальному составу, делилась не только на консервативную и модернизаторскую в культурном и просветительском плане, но и оказалась вовлеченной в разные российские политические партии. Как свидетельствовал А.З.Валидов, в начале 1917 г. М.Чокаев «был связан с кадетами», С.Асфендиаров примыкал к социал-демократам, С.Лапин — к монархистам. При этом все поддерживали региональную консолидацию и понимали, что «вступление в русские организации не приносит нам много пользы» [12; 118].

В борьбе двух проектов — демократического, с идеей Учредительного собрания, и социалистического — националы поддерживали первый. Так, «Шуро-Исломия» предпочитала готовиться к выборам в собрание, которое должно определить национально-государственное устройство края. Между тем «Шуро-Уламо» во главе с С.Лапиным предлагал создать «чисто мусульманскую автономию», что вызвало отторжение со стороны так называемых прогрессистов, считавших эти идеи утопичными и антинациональными. Правда, при этом под нацией понималось все мусульманское сообщество Туркестана. Показательно, что казах Ж. Досмухамедов на Всероссийском мусульманском съезде в мае 1917 г. по поводу идеи мусульманского единства (национально-культурной автономии) заявил, что «создать единую мусульманскую нацию, объединив мусульманские народы», безусловно, невозможно. Он считал, что сторонник этой идеи Цаликов просто не знает, что означает нация [6; 282, 284, 285]. В итоге, как известно, на съезде победили федералисты.

Автономизм оказался наивысшим и самым радикальным пунктом в эволюции политических приоритетов среднеазиатских и казахских активистов революции. Но для среднеазиатских деятелей он не был связан с политизацией этничности, религиозная консолидация оставалась первичной. Член Краймусовета М.Бехбуди в июне 1917 г. писал о поддержке российского федерализма и желании,

«не отделяясь от России», ввести такой парламентаризм в Туркестане, который обеспечил бы учет интересов «всех туркестанцев, будь то еврей, христианин или мусульманин» [11; 121]. Мусульманская солидарность была приоритетной и для «левых» национальных организаций «Иттифок», объединивших низовые слои. Определяющим для масс было требование социальной справедливости.

В Казахстане развитие шло от апробации политических интересов национальной элиты в общероссийских партиях к созданию этноцентристской партии Алаш и после прихода в столице большевиков к власти провозглашению на ее основе автономии. Планируемая как составная часть Российской демократической федерации по решению Учредительного собрания, она по замыслу лидеров предусматривала включение в состав правительства представителей некоренного населения региона.

В Туркестане идея автономии в мусульманском политическом классе впервые была озвучена в июле 1917 г., причем толчком послужил информационный повод, когда стало известно о создании на Украине Центральной Рады. Важным стимулом стали и решения I Всеказахского съезда в Оренбурге (21-26 июля). Кроме того, на туркестанцев оказывали влияние башкирские и азербайджанские деятели, непосредственно (А.З.Валиди), принявшие участие в ташкентских событиях или (А.Амин-Заде) наезжавшие в край поделиться опытом. Это разностороннее воздействие отчетливо прослеживается по содержанию программы так называемой Партии тюркских федералистов, провозглашенной на съезде мусульманских организаций в июле 1917 г. [11; 159-164].

Попытка объединить усилия туркестанских и казахских (от Тургайской и Уральской областей) мусульман состоялась 17-20 сентября на съезде в Ташкенте, практически сразу после резкого усиления роли советов и левых «европейских» сил, подстегнутого, в свою очередь, обострением ситуации в Петрограде. Однако решение съезда о будущей Туркестанской федерации в составе Российской республики не привело к объединению казахских и туркестанских автономистов. Более того, взятие власти большевиками заставило тех и других осознать необходимость самостоятельных действий, к чему подтолкнули их и местные левые, упорно боровшиеся за полновластие советов. При этом лидеры Алаш вплоть до декабря весьма осмотрительно вступили в фактический союз с сибирскими областниками. Туркестанские демократы, не имея по соседству аналогичного регионального партнера и не получив поддержки со стороны алашевцев в своих претензиях на лидерство в возможном азиатском альянсе, в ноябре заявляли о нейтральной позиции в отношении и свергнутого Временного правительства, и большевиков [11; 180]. Неприятие большевистской власти и радикализация националов, вплоть до вынужденного провозглашения Туркестанской автономии в Коканде в ноябре, были вызваны действиями местных большевиков, отвергших право коренного населения на политическую самостоятельность. Но верность идее Российской Федерации была зафиксирована в решениях о создании и этой и Алашской автономии, в декабре 1917 г.

Контролируемые советами города Туркестана не позволили автономистам, несмотря на поддержку со стороны мусульманского населения, обеспечить реальную власть и дееспособность. Младохивинцы не смогли противостоять ханской власти и бежали в Ташкент, пытаясь в декабре заручиться поддержкой советских лидеров, а в январе 1918-го — кокандских автономистов. К лету 1918 г. младохивинцы сформулировали свою программу, включая пункт о вступлении в состав Советского Туркестана и РСФСР [8; 55].

Алашская автономия оказалась более «живучей», заставив в 1918-1919 гг. считаться с собой как большевиков, так и антисоветские силы в регионе. На территории современной Туркмении в 1917 г. борьба так называемых евротуркмен против старой знати в лице Махтумкули-хана развивалась на фоне противостояния представителей российской власти и попыток левых обрести власть. Активисты-евротуркмены предлагали разделить управление на городское, куда были готовы включиться вместе с «европейцами», и сельское (аульное), где власть бы принадлежала коренному населению. Это не предполагало политического самоопределения, меж тем в 1918 г. за власть в Закаспии соперничали уже не только левые (большевики, эсеры, меньшевики), но и английские интервенты. Все они пытались использовать для этого символический авторитет традиционной системы в лице Махтумкули [13; 77-79].

Непосредственное участие в установлении советской власти приняли немногочисленные представители коренного населения региона. Так, среди казахов лишь А.Джангильдин вступил в партию большевиков до 1917 г. (1915 г.). По материалам партийной переписи 1922 г., в Компартии ТАССР было 2 узбека со стажем до 1917 г., 4 — с 1917-го и 609 — со стажем с 1918 г. Центральная Комиссия по делам бывших красных партизан и красногвардейцев при ЦИК Узбекистана в 1-й половине 1930-х гг. признала активными участниками революционных событий 1917–1918 гг. (красногвардейцами)

в Ташкенте 911 жителей из коренного населения, в Андижане — 270, в Фергане и Коканде — 167, Самарканде — 249, всего в 5 городах — 1697 чел., или более 20 % всех признанных красногвардейцами [14; 50, 51].

Хронология и содержание событий 1917 г. свидетельствуют, что политический актив Туркестана не мог преодолеть сложившийся прежде культурный барьер между так называемыми «европейцами» и мусульманским сообществом, а внутри каждого из этих массивов происходили сложные политические процессы. При этом «европейцы» еще до революции самоопределились в партийном плане, тогда как именно слом монархии и объективная необходимость участвовать в формировании новых структур власти и управления подтолкнули мусульманскую элиту к политической самоидентификации. Для большинства этой элиты в такой идентификации на первом месте оказались задачи государственного переустройства региона, а модель партийного строительства, привносимая российскими деятелями с Запада, не представлялась существенной. Критерии этничности также объективно не были востребованы.

При этом в 1917 г. общероссийский административно-территориальный формат стал основой для выработки региональных этнополитических проектов. Они оставались в границах общего пространства бывшей империи, которое было исторически и географически устойчивым, по-прежнему воспринималось в перспективе надежным, привычным и обжитым, при условии его общей демократизации. Эта пространственная целостность сказалась и на взаимодействии региональных лидеров и структур [15; 142].

Федерализм этнополитическая элита региона рассматривала как воплощение автономии для своих народов — национально-территориальной у казахов и культурно-религиозной в рамках бывшего генерал-губернаторства — для среднеазиатской. Неудачи и даже безнадежность антисоветских автономистских амбиций казахских и среднеазиатских националов не спровоцировали сепаратистские настроения и не изменили их стратегического ориентира на государственное единство с Россией [16; 43]. Симптоматично, что, как и в условиях распада Российской империи, в конце XX в. этнополитическая элита современных центральноазиатских государств не спешила отказываться от ставшего привычным советского проекта и его возможных модификаций, предлагавшихся разными акторами. Свою роль в обеих ситуациях сыграла вера в могущество и выживаемость огромного имперского организма. В то же время освоенный государственный ландшафт с его понятными и наработанными социально-политическими сетями, официальными и негласными привилегиями, компромиссами и зависимостями был гораздо комфортнее и безопаснее, нежели непредсказуемая самостоятельность, в которой ответственность полностью переходила к новому центру власти в лице самой национальной элиты.

В представлениях о справедливости как доминирующей социальной ценности преобладали политические и, в случае элит, конъюнктурные факторы, причем от февраля к октябрю их значение все более возрастало. Поиск более рационального и признаваемого большинством нового государственного порядка функционирования и консолидации этноконфессионального и социального разнообразия породил в регионах бывшей империи во многом сходные проекты. Национальные элиты и центры политической силы на местах при слабости и неустойчивости общегосударственной власти возглавили очаги самоорганизации. Но стабилизация и интеграция столь разнообразного социально-культурного, политического и многонационального пространства оказалась им не под силу, во многом вследствие разного смыслового наполнения динамично менявшейся ситуации с непредсказуемыми результатами.

Список литературы

- 1 Абдурасулов У. Неопределенность как политика: размышляя о природе российского протектората в Средней Азии / У. Абдурасулов, П. Сартори // *AbImperio*. — 2016. — № 3. — С. 118–164.
- 2 История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 3 / К.С. Алдажуманов, М.Х. Асылбеков, Ж.К. Касымбаев и др.; гл. ред. А.Прманов. — Алматы: Атамұра, 2000. — 768 с.
- 3 История коммунистических организаций Средней Азии / А.М. Богоутдинов, К.Е. Житов, К.К. Каракеев и др.; пред. редколл. А.М.Богоутдинов. — Ташкент: Узбекистан, 1967. — 778 с.
- 4 Игибаев С.К. Казахстан в источниках и материалах [Электронный ресурс] / С.К. Игибаев. — Усть-Каменогорск, 2010. — 394 с. — Режим доступа: <http://rerefat.ru/docs/5/index-171026.html?page=17#107963>.
- 5 Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / А. Каппелер; пер. с нем. С.Червонная. — М.: Изд-во «Прогресс-Традиция», 1997. — 344 с.

6 История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX-начало XX века) / Отв. ред. Д.Алимова, И.Багирова. — Самарканд: МИЦАИ, 2012. — 335 с.

7 Гафаров Н.У. Джадидизм в Средней Азии в конце XIX - начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 – «Отечественная история» / Н.У. Гафаров. — Душанбе, 2014. — 46 с.

8 Полвонов Н. История социальных движений и политических партий Хорезма (1900-1924) / Н.Полвонов. — Ташкент: Akademnashr, 2011. — 120 с.

9 Циунчук Р.А. Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность мусульманской фракции в Государственной Думе России 1906-1917 гг. / Р.А. Циунчук // Имперский строй России в региональном измерении (XIX - начало XX века) / отв. ред. П.И. Савельев. — М.: МОНФ, 1997. — С. 176–223.

10 Котюкова Т.В. «Право», которого не стало: Политическая дискуссия о туркестанском представительстве в Государственной думе [Электронный ресурс] / Т.В. Котюкова. — Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/7237>.

11 Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии (Туркистон Мухторияти) / С.Агзамходжаев. — Ташкент: Изд.-полигр. объединение «Тошкент ислом университети», 2006. — 268 с.

12 Тоған З.В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру / З.В. Тоған; пер. с тур. В.Б. Феонова. — М., 1997. — 649 с.

13 Кадыров Ш. «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане / Ш. Кадыров. — М.: Липецкое изд-во, 2003. — 363 с.

14 Вексельман М.И. Новые документы по истории участия трудящихся коренных национальностей в борьбе за власть Советов в Узбекистане / М.И. Вексельман // Общественные науки в Узбекистане. — 1990. — № 10. — С. 49–52.

15 Федералистские ориентиры этнических элит в условиях революции имели реактивный и импровизационный характер. См.: Красовицкая Т.Ю. Этнические элиты о формах федеративного устройства России (1917-1929) / Т.Ю. Красовицкая // Улкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay. — 2017. — № 3(2). — С. 139–157.

16 На Центрально-Азиатские регионы России неправомерно распространять утверждение, что национальные окраины и движения после Октября 1917 г. «поспешили дистанцироваться от рассыпающейся российской государственности, объявляя о независимости». См.: Gerasimov I. The Great imperial Revoluton / I. Gerasimov // AbImperio. — 2017. — № 2. — С. 21–44.

Д.А. Аманжолова

1917 жылғы революция және Ресейдің Орталық Азия аймағы халықтарының этносаياسي даму мәселелері

XX ғасырдың басында Далалық өлкелермен Орта Азияда орын алған жалпы ресейлік ұлттық-центристік (біріктірушілік) заңдылық өзіндік ерекшелігімен сипатталды. Мақалада Орталық Азияның әлеуметтік-саياسي және этномәдени кеңістігіндегі революциялық дамудың жалпы ресейлік трендінің көрініс беру ерекшеліктері талданды. Автономизм революциялық көңіл-күйдегі ортаазиялық және қазақ саяси белсенділері көзқарасының эволюциясындағы ең жоғарғы және радикалды ұсынысы болғандығы дәйектелді. Аймақтағы халықтың этносаياسي консолидациясының динамикасына, сипаты мен нысандарына, 1917 жылғы оқиғадағы ұлттық зиялылардың атқарған рөліне басты назар аударылды. Ұлт элитасының саяси бағыт-бағдарларының эволюциясы, мемлекеттік қайта құру туралы аймақтық жобаларының мазмұны және 1917 жылы ұсынылған және (немесе) сынақтан өткен әлеуметтік модернизациялауды ұйымдастыру үлгілерінің негізгі сипаттамалары қарастырылды.

Кілт сөздер: революция, Орталық Азия, халық, этносаياسي даму, ұлт элитасы, саяси бағыт-бағдар.

D.A. Amanzholova

Revolution of 1917 and problems of ethno-political development of the peoples of the Central Asian region of Russia

In the Steppe region and Central Asia, the all-Russian trend of the early 20th century towards nation-centeredness manifested itself quite specifically. The report analyzes the features of manifestation of all-Russian trends of revolutionary development in the socio-political and ethno-cultural space of Central Asia. Autonomism was the highest and most radical point in the evolution of the political priorities of the Central Asian and Kazakh revolution activists. The main attention is paid to the dynamics, nature and forms of ethno-political consolidation of the peoples of the region, the role of the national intelligentsia in the events of 1917. The evolution of the political priorities of the national elite, the essence of regional projects of state reorganization and the main characteristics of the organizational models of social modernization that emerged and (or) tested in 1917 are considered.

Keywords: revolution, Central Asia, people, ethno-political development.

References

- 1 Abdurasulov, U., & Sartory, P. (2016). Neopredelennost kak politika: razmyshliaia o prirode rossiiskoho protektorata v Srednei Azii [The Politics of Ambiguity: What Does It Mean to Be a Russian Protectorate?]. *AbImperio*, 3, 118–164 [in Russian].
- 2 Aldazhumanov, K.S., Asukbekov, M.Kh., & Kasumbaev, Zh.K. et al. (2000). Istoriia Kazakhstana s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Kazakhstan from ancient times to the present day]. A.Prmanov (Ed.). (Vol. 1-5, Vol. 3). Almaty: Atamura [in Russian].
- 3 Bogoutdinov, A.M., Zhinov, K.E., & Karakeev, K.K., et al. (1967). Istoriia kommunisticheskikh orhanizatsii Srednei Azii [History of the Communist organizations of Central Asia]. A.M. Bogoutdinov (Ed.). Tashkent: Uzbekistan [in Russian].
- 4 Igbayev, S.K. (2010). Kazakhstan v istochnikakh I materialakh [Kazakhstan in sources and materials]. Ust-Kamenogorsk. *rerefat.ru*. Retrieved from <http://rerefat.ru/docs/5/index-171026.html?page=17#107963> [in Russian].
- 5 Kappeler, A. (1997). *Rossiia – mnohonatsionalnaia imperiia. Vozniknovenie. Istoriia. Raspad* [Russia is a multinational empire. Appearance. History. Disintegration]. Moscow: Izdatelstvo «Progress-Traditsiia» [in Russian].
- 6 Alimova, D., & Bagirova, I. (Eds.). (2012). *Istoriia obshchestvenno-kulturnoho reformatorstva na Kavkaze i v Tsentralnoi Azii (XIX — nachalo XX veka)* [The history of socio-cultural reform in the Caucasus and Central Asia (XIX-early XX century)]. Samarkand: MITsAI [in Russian].
- 7 Gafarov, N.U. (2014). Dzhadidizm v Srednei Azii v kontse XIX - nachale XX vv. [Jadidism in Central Asia in the late XIX - early XX centuries]. *Extended abstract of Doctor's thesis*. Dushanbe [in Russian].
- 8 Polvonov, N. (2011). *Istoriia sotsialnykh dvizhenii i politicheskikh partii Khorezma (1900-1924)* [The history of social movements and political parties of Khorezm (1900-1924)]. Tashkent: Akademnashr [in Russian].
- 9 Ciunchuk, R.A. (1997). Razvitie politicheskoi zhizni musulmanskikh narodov Rossiiskoi imperii i deiatel'nost musulmanskoj fraktsii v Hosudarstvennoi Dume Rossii 1906-1917 hh. [The development of the political life of the Muslim peoples of the Russian Empire and the activities of the Muslim faction in the State Duma of Russia in 1906-1917]. *Imperskii istoi Rossii v reionalnom izmerenii (XIX - nachalo XX veka) – The imperial structure of Russia in the regional dimension (XIX - early XX century)*. P.I. Savelyev (Eds.). Moscow: MONF [in Russian].
- 10 Koryukova, T.V. (2012). «Pravo», kotoroho ne stalo: Politicheskaiia diskussiiia o turkestarskom predstavitel'stve v Hosudarstvennoi Dume [«Right», which did not become: Political discussion about the Turkestan representation in the State Duma]. *fergananeews.com*. Retrieved from <http://www.fergananeews.com/articles/7237> [in Russian].
- 11 Agzamkhodzhaev, S. (2006). *Istoriia Turkestarskoj avtonomii (Turkiston Mukhtoriyati)* [History of the Turkestan Autonomy]. Tashkent: Izdatelstvo «Toshkent islom universiteti» [in Russian].
- 12 Togan, Z.V. (1997). *Vospominaniia. Borba musulman Turkestarsa i druhikh vostochnykh tiurok za natsionalnoe sushchestvovanie i kulturu* [Memories. The struggle of Muslims of Turkestan and other Eastern Turks for national existence and culture]. (V.B. Fenonova, Trans.). Moscow [in Russian].
- 13 Kadurov, Sh. (2003). «Natsiia» plemen. Etnicheskiie istoki, transformatsiia, perspektivy hosudarstvennosti v Turkmenistane [«Nation» of the tribes. Ethnic origins, transformation, prospects of statehood in Turkmenistan]. Moscow: Lipetsskoe izdatel'stvo [in Russian].
- 14 Vekselman, M.I. (1990). Novue dokumenty po istorii uchastiia trudiashchikhsia korennykh natsionalnoei v borbe za vlast Sovetov v Uzbekistane [New documents on the history of participation of indigenous workers in the struggle for power of the Soviets in Uzbekistan]. *Obshchestvennyie nauki v Uzbekistane – Social sciences in Uzbekistan*, 10, 49–52 [in Russian].
- 15 Krasovitskaya, T.Uy. (2017). Federalistskie orientiry etnicheskikh elit v usloviakh revoliutsii imeli reaktivnyi i improvizatsionnyi kharakter. Etnicheskie elity o formakh federativnoho ustroistva Rossii (1917-1929) [The federalist orientations of ethnic elites in the conditions of the revolution were of a reactive and improvisational nature. See: Krasovitskaya, T.Yu. Ethnic elites on the forms of the federal system of Russia (1917-1929)]. *Mir Bolshoho Altaia – World of Great Altay*, 3(2), 139–157 [in Russian].
- 16 Gerasimov, I. (2017). Na Tsentralno-Aziatskie rehiony Rossii nepravomerno rasprostraniat utverzhdenie, chto natsionalnye okrainy i dvizheniia posle Oktiabria 1917 h. «pospeshili distantsirovatsia ot rassypaiushcheisia rossiiskoi hosudarstvennosti, obiavliaia o nezavisimosti» [It is wrong to extend the assertion to the Central Asian regions of Russia that the national suburbs and movements after October 1917 «hastened to distance themselves from the crumbling Russian statehood, declaring independence». The Great imperial Revoluton]. *AbImperio*, 2, 21–44 [in Russian].